

Кононов Алексей

ЗАЩИТНЫЙ МЕХАНИЗМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Кононов
Защитный Механизм

«Автор»

2020

Кононов А.

Защитный Механизм / А. Кононов — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99252-8

Повесть о пятерых больных, проходящих лечение в психиатрической больнице. Характеры и взгляды персонажей уникальны: в лечебнице нет и двух пациентов, что имели бы аналогичное мировосприятие. Это дает возможность всем им проводить вечера в больничном холле, сталкиваясь в пылких спорах относительно "правильности" принятого каждым из них мировоззрения. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99252-8

© Кононов А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Введение	5
День I	6
Утро	6
День	8
Вечер	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алексей Кононов

Защитный Механизм

Введение

Эта история берет свое начало два года назад. Рассказал бы мне её не Скела (мой родной брат), клянусь, я никогда бы не поверил в то, что она в действительности произошла. Поведенная им череда событий происходила в государственной психиатрической больнице, куда он уезжал работать в качестве медбрата. Был “глухой” сезон, когда практически всех старых пациентов выписали с явными улучшениями в состоянии, а новые еще не поступили. Говоря “практически всех”, стоит уточнить, что в больнице остался всего лишь один пациент, да и того можно было отнести скорее к “новым”, чем к “старым”. Звали его Андрей Геннадьевич.

День I

Утро

В больницу он поступил в день своего рождения, двадцатого февраля, если мне не изменяет память. Знаете, последнее время у меня действительно стали появляться провалы в памяти, но здесь, кажется, я ничего не напутал. Да и, в общем-то, не так уж это и важно.

Выглядел Андрей Геннадьевич крайне прилежно: чист, свеж, черная и густая борода вычесана; в отделение поступил в тщательно выстиранной и выглаженной рясе. Теперь не трудно догадаться, что являлся он священнослужителем, а если быть точным – монахом.

На часах было девять сорок, когда несколько санитаров подошли вместе с ним к регистратуре. Одежда Андрея Геннадьевича вызвала кратковременный ступор у оформлявшего его медработника, но ему удалось быстро побороть его, поскольку сразу же обнаружились проблемы с документами. В них было сказано, что Андрею Геннадьевичу сорок шесть лет. Проверить в это было просто невозможно! Перед ним стоял пожилой мужчина: небольшой, но заметный лишней вес, суровое лицо, поседевшие волосы и пустой, стеклянный взгляд. Он вновь взглянул в паспорт, из которого на него смотрел жизнерадостный, абсолютно счастливый относительно молодой человек. Снова перевел взгляд на Андрея Геннадьевича и, при всем возникшем в нем желании, не смог увидеть ничего общего между ним и тем человеком с фото.

Сперва он подумал, что при переоформлении паспорта произошла ошибка, и вместо новой фотографии, которую берут в сорок пять лет, поместили старую, сделанную в двадцать, но, уточнив этот вопрос у Андрея Геннадьевича, сильно удивился, узнав, что его догадка оказалась неверной. Это был действительно один и тот же человек, но в двух версиях – прошлой и нынешней. В голову сразу же полезли мысли о вариациях тех ужасных событий, что могли привести к подобному изменению в облике как снаружи, так и внутри. Настолько прозрачного взгляда ему никогда прежде не доводилось лицезреть даже среди постоянных пациентов, что проводят, по меньшей мере, треть года под его наблюдением. Вскоре оформление документов было завершено, и Андрея Геннадьевича повели в его палату, на двери которой висела цифра “один”. Она была относительно уютной, но крохотной, одноместной – других в этой больнице не было; идея селить двух потенциально нестабильных больных в одну комнату казалась не лучшей для главврача. Да и само отделение было весьма небольшим, рассчитанным всего лишь на пять пациентов.

Пока Андрей Геннадьевич раскладывал вещи и переодевался в больничную пижаму (другой одежды носить тут не разрешалось), раздался телефонный звонок. Скела оказался ближе всех к источнику звука, и, спустя шесть или семь пройденных к стойке с телефоном шагов, от оператора горячей линии психиатрической помощи он узнал, что в течение дня поступят еще четверо больных. Надежда на бесхлопотный вечер моментально улетучилась, и не оставалось ничего, кроме как начать подготовку к приему пациентов.

К моменту, когда с минуты на минуту должен был прибыть первый из четверых обещанных больных, Андрей Геннадьевич уже немного освоился и, выйдя в холл, разместился на черном двухместном диване, что находился прямо перед телевизором. Напротив дивана стояли два потертых коричневых кресла, меж которых находился дешевый сделанный из древесно-стружечной плиты чайный столик, который зачастую использовался для обеденного перерыва, между приемом таблеток и полуденным сном.

В отделении острой психиатрии, где Скела проработал около полугода, была запрещена подвижная мебель, не говоря уже о такой привилегии, как телевизор. Там лежали пациенты с тяжелыми заболеваниями, которых было практически невозможно вылечить без применения

серьезных медикаментов. Тот факт, что медперсоналу платили там больше, никак не повлиял на решение Скела уволиться оттуда, – в один момент он понял, что никакие деньги не позволят ему забыть те ужасные вещи, что он увидел там.

В санаторном же отделении, куда в итоге перешел Скела, условия для больных были куда более гуманными: в нем разрешалось пользоваться гаджетами, читать книги, выходить на прогулки по территории больницы, а самым вменяемым больным – за ее пределы, но всего на час. Хотя в основном все всё равно сидели у телевизора, время от времени перекидываясь друг с другом парочкой фраз. Как раз когда Андрей Геннадьевич взял в руки пульт и нажал на кнопку “Вкл.”, в самом начале холла раздался звук шагов – привезли еще одного пациента.

День

Звали его Иферус. Уверен, что это выдуманное имя, оммаж к какому-то лирическому герою, но, как сказал Скела: “Раз в паспорте так написано, значит, и на таблетнице будет аналогичная надпись”. Он поступил во время послеобеденного сна. Пару минут провозился с чем-то в своей – второй – палате и, даже не разложив до конца вещи, вышел из нее, направившись к телевизору. Занял место в кресле напротив Андрея Геннадьевича, после чего в грубой форме, громко, с переходами на крик потребовал принести ему еды. Пока один из санитаров пошел за ней, у сидевшего за стойкой Скела была возможность внимательно рассмотреть Иферуса.

Это был странный человек, чья внешность позволяла судить об его нелегком прошлом, но контрастирующие на фоне полностью покрытого шрамами тела глаза убедили Скела в том, что Иферусу удалось пережить все выпавшие на его долю ужасы – такими сияющими и добрыми были они. Впоследствии, прочитав его медицинскую карточку, Скела выяснит, что один из глаз Иферуса был стеклянным. Но это вызывало не такой сильный интерес, как тот факт, что абсолютно все его конечности изначально принадлежали не ему.

В разгар войны N он был послан на линию фронта в качестве пехотинца. За период его двухлетней службы ему удалось достичь небывалых высот в военном ремесле, и в награду за его заслуги уполномоченными лицами было принято решение повысить его до звания полковника, что означало для него билет в один конец в сторону дома. Но знаете, судьба – у нее очень специфическое чувство юмора. В последний день перед отправкой на лагерь, в котором располагался батальон Иферуса, была сброшена бомба, упавшая вблизи него. Из-за многочисленных осколочных ранений, что вызвали слишком сильную кровопотерю, врачи первоначально не хотели браться за попытку спасти жизнь Иферуса, но, по необъяснимым ни для кого причинам, изменили свое решение. Все его конечности в итоге были ампутированы, а на их место пришиты части тел сослуживцев, которых, к сожалению, не удалось спасти.

Но, даже несмотря на обильное количество рубцов на теле, выглядел Иферус крайне привлекательно. Ласковым взглядом он моментально располагал к себе, но то был эффект первого впечатления, которое длилось ровно до момента, пока он не начинал говорить, – тяжело представить более грубую форму ведения диалога. В моменты, когда Иферус полностью отдавался поглотившим его эмоциям, вне сил контролировать себя он запускал руки в свои великолепные, завидные для каждой девушки густые, длинные, ярко-русые волосы и безжалостно вырывал их небольшими клоками. Казалось, что он даже не испытывал боль при этом действе, и, если спросите меня, я спокойно готов в это поверить.

Отобедав, Иферус вернулся в свою палату и разложил оставшиеся вещи. Санитары, в соответствии с правилами больницы, направились вместе с ним, чтобы, в случае обнаружения запрещенных для хранения предметов, конфисковать их. Получив все вещи из армейской сумки на проверку и убедившись в отсутствии колющих-режущих-удушающих предметов, санитары уже собрались уходить, когда одному из них бросился в глаза закрепленный на рубахе булавкой в области груди металлический значок с символикой “Хиппи”. Держать такой предмет по правилам считалось злостным нарушением больничного порядка, и вежливым, но приказным тоном Иферуса попросили снять и отдать на хранение хотя бы булавку, на что получили грубый отказ. Скела не было рядом с санитарями в тот момент, он сидел за стойкой, поэтому ручаться за полноценную достоверность данного диалога не берусь. Пересказывая со слов, которые ему в свою очередь пересказали непосредственно участвовавшие в диалоге санитары, звучал он примерно так:

– Иферус, я вижу металлический значок на булавке у вас на груди. Вам необходимо отдать мне хотя бы острую часть предмета на хранение. Уверен, вы сами понимаете, что это правила безопасности больницы.

– Нет. Ответ прозвучал настолько твердо и грубо, что санитар опешил и несколько секунд не мог подобрать подходящих слов.

– Возможно, вы неверно поняли меня, – санитар сделал небольшую паузу и прошелся грозным взглядом по Иферусу. – Это не просьба. В регистратуре вы подписали документы, дающие мне полномочия на конфискацию потенциально опасных вещей в целях соблюдения безопасности в отношении вас, других пациентов и медперсонала.

Иферус прекратил вынимать одежду из сумки и развернулся лицом в сторону сказавшего это санитаря. Посмотрел ему прямо в глаза взглядом, в котором полностью отсутствовало добродушие, что было в нем минутами ранее. Этот взгляд пробирал до глубины души, заставляя чувствовать инстинктивный, животный, пробирающий до дрожи страх, сравнимый с тем, что испытывает пасущаяся у водопоя антилопа, слишком поздно заметившая на небольшом от себя расстоянии льва. Для нее морда этого льва – лицо смерти. Аналогичные чувства испытывал санитар в отношении лица Иферуса. В звенящей тишине, пару минут Иферус таким образом вгонял его в ужас, после чего наклонился к нему и неспешно низким и без сомнений серьезным голосом прошептал на ухо: “Я убью тебя, клянусь! Если ты прямо сейчас не уйдешь отсюда, то я переломлю тебе все твои чертовы ноги, а после этого сверну тебе шею! Мне плевать на последствия, в моей жизни не осталось ничего, ради чего я бы хотел жить. И я клянусь, если ты прямо сейчас, черт тебя дерь, не выйдешь из этой комнаты, то я, не моргнув и глазом, сделаю это. Прошу тебя, уйди! Клянусь, я убью тебя!”. Весь мир будто бы остановился для санитаря, он буквально мог видеть неспешное течение времени. Зудевший рядом комар уже не выглядел как быстро перемещающаяся точка – взглядом он улавливал каждый взмах его крыла. Каждое произнесенное Иферусом слово тонким лезвием входило в грудь санитаря. Его сердце начало биться так часто и громко, что заглушало шум проезжающих под окном автомобилей. Он ни на унцию не сомневался в реальности адресованных ему угроз. Страх настолько сильно поглотил его, что он был готов упасть на пол и, свернувшись калачиком, заплакать. Но, собравшись настолько, насколько в той ситуации это было возможно, развернулся, пошатываясь, и молча вышел из комнаты. По дороге на пост мысли в его голове летали настолько быстро, что невозможно было сфокусироваться на какой-то одной из них. Лезли оправдания самому себе и попытка самовнушения, убеждающая, что из двух зол он выбрал меньше, ведь даже если при помощи этой булавки Иферус убьет кого-нибудь из пациентов, то при всех равных это явно лучше, чем его смерть. “Я – нормальный, они – больные, неполноценные ячейки общества, потеряв которых, социум станет только лучше”. Наконец, та самая мысль, которую он смог выделить и крепко закрепить в своем рассудке: “Это инстинкт самосохранения, животный инстинкт, который невозможно пересилить, – утешал себя несчастный санитар. – Я все сделал правильно. Каждый поступил бы на моем месте так же”. Сознание постепенно возвращалось в норму, но тремор рук не давал забыть о произошедшем с двух минут назад диалоге.

Вечер

Смеркалось. Окончательно обустроившись и гордо перекрепив значок с милитаризованной порванной куртки на больничную пижаму, Иферус покинул стены своей палаты в явных поисках досуга. Первым, кто попал под его хладнокровный взор, оказался Андрей Геннадьевич, не оторвавшийся от телевизора ни на секунду с того самого момента, как начал его смотреть. Разместившись поудобнее в кресле, некоторое время он тоже понаблюдал за движущимися картинками на экране, что, впрочем, достаточно быстро надоело ему. Он повернул голову в сторону Андрея Геннадьевича и весьма жеманным образом представился:

– Иферус.

Продолжая пялиться в телевизор, Андрей Геннадьевич ответил:

– Знаете, не стоило вам так грубо общаться с санитарями. Они ведь просто выполняют свою работу, заботятся о всех нас. Покайтесь в грехах, я буду рад выслушать вас! Андрей Геннадьевич, будем знакомы! – При всем уважении, Батюшка, – отдавая свою одежду в хранилище, он видел в руках у Скела рясу, – Бог умер для меня.

Призадумавшись на секунду и осознав, какую околесицу сказал, сразу же добавил:

– Вернее, никогда и не жил. Не верю я в него, в общем. Слишком много я видел.

Андрея Геннадьевича нисколько не затронули эти слова, наоборот, как будто пролетели сквозь него. По-прежнему не отводя глаз от телеэкрана, он сухо ответил: – Ваше право. На все воля Божья, следовательно, заложенная в вас воля – не верить в Него. От этого Его существование не прекратится, но ваше существование могло бы стать куда более счастливым, если бы вы открыли душу и разум Спасителю.

Лицо Иферуса вмиг изменилось: брови нахмурились, аккуратно сложенные в замочек ладони превратились в дрожащие и со всех сил сжимающиеся кулаки, челюсти примкнули друг к другу с такой мощью, что голова Иферуса затряслась. Вне сил сдержать порыв гневных эмоций, Иферус вскочил с кресла и завопил что есть мочи: – Существует? А где же был ваш Бог, когда на моих глазах умирали brave солдаты и отличные люди? Где был ваш Бог, когда меня взяли в плен и сделали тем, кем я сейчас являюсь? Где, где, черт его дери, был ваш Бог, когда я молил его прекратить те ужасы, что мне довелось видеть в течение целых двух лет? Может, вы мне подскажите? Где ваш Бог, когда он так нужен, и почему он все время молчит? Почему он не препятствует безликому мраку, что сочится сквозь каждую щелину эту проклятой больницы прямо в эту секунду? Вы сможете мне ответить на этот вопрос?

Молниесно подскочившие на крик санитары были готовы в момент повалить и связать Иферуса, хоть и, очевидно, с опаской и крайней аккуратностью, – новости в больнице расходятся быстро. Но, на их удивление, в происходящее вмешался Андрей Геннадьевич и, подав жест кистью руки, дал понять, что контролирует ситуацию. Уверен, не будь он священнослужителем, санитары не стали бы покорно слушаться его, но, к непреднамеренному удобству Андрея Геннадьевича, в больницах такого типа было очень тяжело встретить работника-атеиста. Слишком много они видели.

Перед телевизором снова остались двое: спокойный и безэмоциональный монах и импульсивный, поглощенный эмоциями солдат в отставке. При всем желании Иферуса создать напряжение в воздухе, ему никак этого не удавалось – слишком уж уравновешанным был его собеседник. Попытка вызвать в нем страх взглядом, что ввел одного из санитаров в состояние истерии, тоже провалилась, несмотря на то, что их глаза сцепились с того самого момента, когда они вновь остались вдвоем. Полный безумия взгляд Иферуса и равнодушный, пустой, смиренный взгляд Андрея Геннадьевича. Не отводя глаз, Иферус попытался занять прежнее положение в кресле, но по итогу даже сел поудобнее. Он ждал, когда же ему наконец-то ответят на его многочисленные вопросы. – Пути Господни неисповедимы, – по прошествию минуты

произнес Андрей Геннадьевич. – Мне бы тоже очень хотелось знать ответы на эти вопросы. И при встрече с Всевышним это будет первое, что спрошу я у него: “Почему, Боже? Почему ты забрал их всех? Я понимаю, что тебе виднее и ты отправил их в лучшее место, но почему же, забрав их в рай, ты бросил тем самым меня в кипящем лавой аду? Почему не забрал меня вместе с ними, Боже?”. На глазах выступили чуть заметные слезы, которые аккуратным движением руки он вытер со своего лица. Взгляд стал куда более потерянным. Было видно, что Андрей Геннадьевич все больше и больше сомневался в собственных изречениях. Каждое пророненное им слово тщательно подбиралось, отчего речь лилась медленно, с избытком длинных пауз.

– Боль... – он задумался на мгновение, – делает нас сильнее. Мы не способны понять этого при жизни, значит, пойдем после нее. Я не знаю, по какой причине Бог забирал близких нам с тобой людей, но одно знаю точно – ему с небес все виднее.

Все это время Иферус, затаив дыхание, внимал. Было невозможно понять ход его мыслей в тот момент – то он снова хмурился и, казалось, вот-вот подпрыгнет с кресла, чтобы по новой начать кричать, то он рассредоточивался и принимался чутко слушать, боясь упустить хотя бы одно слово. Скела говорит, что в тот миг отчетливо видел надежду на лице Иферуса, надежду на то, что сейчас он действительно получит ответы на истезающие его вопросы.

– Мой друг, я не могу подобрать для вас решение ваших проблем, – подвел итог Андрей Геннадьевич. – Все, что в моих силах – выслушать вас и помочь советом, который прозвучит так: “Примите утрату. Впустите Господа в ваше сердце и обретите смирение”. Вера – это то, что не позволяет нам сойти с ума. Где бы я был сейчас, если бы не Бог? “Уж точно не в дурдоме”, – подумал про себя Иферус, после чего встал и направился к себе в палату.

Спустя четверть часа идти на боковую решил и Андрей Геннадьевич и, направившись в сторону кровати, спонтанно для себя самого решил задержаться и зайти проведать Иферуса. Тот сидел на стуле с книгой в руках, постоянно отвлекаясь от чтения на странные действия: то сокращал мышцы лица таким образом, будто бы нечто резко попало ему в глазницу и причинило массу боли и неудобств, из-за чего он сильно напрягал шею, закрывая при этом стеклянный глаз; то заметно подергивал ногами и перебирал пальцами рук. Андрей Геннадьевич занял табуретку по соседству, чем вызвал явно недовольный вздох Иферуса. Загнув страничку в уголке и отложив книгу на прикроватную тумбу, он тягостно взглянул в сторону гостя, намекая, что ему тут не рады, и, не дождавшись какой-либо реакции, озвучил эту мысль:

– Знаете, я вообще-то собирался спать. Вам следует уйти.

– Разве? Вижу, что вы читаете знакомое мне произведение. Украдкой я успел заметить, что вы находитесь на середине четвертой, самой длинной главы, – это дает мне понять, что сна вы бы не увидели еще по меньшей мере с полчаса, – с легкой ухмылкой подметил Андрей Геннадьевич. – Занятно. Но что заставило вас быть столь убежденным в том, что я непременно дочитаю главу до конца? – едким голосом парировал аргумент Иферус.

– Исключительно опыт, мой друг! Людям, в попытке заглушить гнев, свойственно с отчаянием уходить в чтение, – это помогает им сосредоточиться на других эмоциях и, в конце концов, прийти к смирению.

– Да что вы всё заладили про смирение? – задергав глазом, злобно выпалил Иферус. – Смирением миру не поможешь. – А чем же, по-вашему, поможешь?

Иферус распрямился, одернул плечами и с воодушевленной интонацией ответил:

– Чисткой! Вполне по-христиански, не так ли? Плевать, каким образом, будь то потоп или намеренное устранение не заслуживающих жизни людей, – это единственный способ поддержки баланса и гармонии во Вселенной.

– Какие ужасы вы тут говорите! – с явным возмущением и досадой возразил Андрей Геннадьевич. – Не нам брать на себя роль судьи, решая судьбы людей! Это лишь во власти Всевидящего и Всезнающего! Голос Андрея Геннадьевича становился все громче и громче, когда Иферус, наоборот, понижал его. С определенной уверенностью можно было сказать, что

Иферус становится спокойнее, разговор более не раздражает его, а вызывает лишь задор и желание проказничать, как у мальчишки, видящего перед собой прелестную девичью косу, за которую он непременно дернет.

Последовало недолгое молчание, служившее Андрею Геннадьевичу возможностью продумать ответ. – А почему вы не рассматриваете вариант, где карательные меры в отношении прогневших людей – это кара Господня, исполненная через руки людей, его слуг? – прервал поток его мыслей Иферус.

– Что? – с некоторым беспокойством на лице переспросил Андрей Геннадьевич.

– Ну, подумайте сами. Поправьте меня, если я не прав, но все христиане ждут второе пришествие Спасителя, не так ли?

– Верно.

– В течение этого... – Иферус чуть заметно надменно улыбнулся, – ...интересного процесса все “верные”, что мертвые, что живые, будут возвышены к облакам и перенесены, извиняюсь за возможное отсутствие эрудированности, в Рай, да?

– Именно так.

– А что же будет с падшими, с грешниками?

Иферус говорил крайне толково и уверенно, чем заставил Андрея Геннадьевича смутиться и засомневаться в том, что ему было прекрасно известно. Он чувствовал преобладание собеседника в их разговоре. Необходимо было прекратить это.

– С уверенностью заявлю, что они отправятся в Ад! – с долей претенциозности ответил Андрей Геннадьевич. Ему понравилась вложенная во фразу интонация, он был собой доволен. Ему показалось, что доминирование в диалоге, как то было в холле, снова у него.

– Так почему бы нам не помочь Ему и не упростить столь торжественный для всех верующих в него день?

– Господь Бог не нуждается в нашей помощи. Все, что требуется от нас, – это жить по заветам, по совести, а также помогать ближнему, не карать его.

– Да-да, я это все уже слышал тысячу раз! – Иферус закинул ногу на ногу и сложил руки в замочек. – Вы не подумайте, я не какой-то там злодей, желающий воцарения вселенского зла. Отнюдь нет. Я готов взять на себя ответственность за убийство, пусть даже и не мной, каждого плохого человека. Да что там, я даже готов пожертвовать своей жизнью, если это принесет всеобщее благо. Поэтому меня справедливо можно назвать самым большим гуманистом из всех, что когда-либо существовали.

Андрей Геннадьевич заметно призадумался, настолько убедительно было это противоречие сказано. Иферус приметил это и с еще большей страстью продолжил:

– Я понимаю, что ваши убеждения не позволяют вам даже думать в таком направлении. Но прошу вас всего на две минутки позабыть о них. Представьте, что не существует христианских канонov, по которым вы привыкли жить, вообразим мир, где нет места заветам и привычной нам морали, а вместо них весь род человеческий живет исключительно исходя из рационального, логического мышления. Сможете?

Вид у Андрея Геннадьевича был озабоченный, можно даже сказать, покаянный. Беседа была интересна для него, и, очевидно, ему хотелось ненадолго окунуться в мир, где святость отсутствовала бы как понятие. “Исключительно из любопытства!” – оправдание быстро нашлось.

– Не могу вам ничего обещать, но клянусь, что очень постараюсь.

– Благодарю! – Иферус был заметно горд собой. Убедить фанатично верующего человека представить мир без Бога: “Черт, а я действительно в ударе!”.

– Так вот, перенесемся в описанный мной мир, где общество построено на логике, рационализме, и, самое главное, что я забыл упомянуть, – справедливости. Раз религий не суще-

ствует, следовательно, и убийство не считается грехом. Более того, применяемая на Западе практика смертной казни распространена теперь во всем мире.

Андрей Геннадьевич развел руками и встревоженно крикнул:

– Какой ужас вы описываете, ей-богу!

– А-та, Бога не существует. Я не пытаюсь вас обидеть, мы просто фантазируем, помните? Вы обещали. Андрей Геннадьевич опустил глаза в пол и молча кивнул, всем своим видом давая понять, что готов продолжить.

– Так вот. Убийство плохого человека является нормой в этой... – Иферус хотел сказать “прекрасной”, но по какой-то причине воздержался, – ...утопии. Наверняка у вас тут же созрел вопрос: “А какого человека можно считать плохим?”

– Верно. Иферус сиял от гордости самим собой, чувство преобладания в разговоре придавало ему уверенности и, вместе с тем, радости.

– Предсказуемый, но справедливый вопрос. “Плохим” считают того человека, что ведет скотский образ жизни и потому не заслуживает ее. Только задумайтесь, сколько хороших людей ежедневно покидают нас. Талантливые врачи, великие политики и просто хорошие люди, что уходят слишком рано. Не лучше бы было, если бы вместо них смерть забирала всю эту... – Иферус дернул головой, мышца на шее снова напряглась, в этот раз явно до предела, отчего его челюсть сомкнулась так сильно, что сквозь зубы он еле выговорил, – ...мразь.

Андрей Геннадьевич мысленно удивился количеству ненависти, вложенной в последнее слово. На небольшой промежуток времени ему стало действительно страшно. Эта интонация ясно давала понять, что, окажись Андрей Геннадьевич в списке “плохих людей” Иферуса, – он был бы уже мертв. “С другой стороны, – думал он, – разговор еще не окончен”. Именно это и пугало.

Не то чтобы Андрей Геннадьевич боялся смерти. Нет, не больше, чем обыкновенный человек. В большей степени страшна ему была неизвестность, что ждала в загробной жизни. Даже будучи священнослужителем, Андрей Геннадьевич не был уверен в существовании рая и ада, а следовательно, и Бога, за что непреклонно корил себя. Но последние два года чаще иных причин стыдил он себя даже не за скептицизм, а за то, чем долго не осмеливался поделиться с направившим его на лечение психиатром – на самом деле смерть даже импонировала ему. Стыдно ему было в первую очередь не перед собой и даже не перед Богом, а исключительно перед родными, что волновались и переживали за него, хоть их и стало намного меньше. Тот злополучный год, что привел Андрея Геннадьевича в лечебницу, забрал жизни шести или семи (Андрей Геннадьевич сам уже не помнил) близких и не очень ему людей. Эти события привели его к порочному кругу: он не мог справиться с нахлынувшей на него болью, вследствие чего обратился к религии, что гласит: “Пути Господни неисповедимы”, но заработанная еще в детстве привычка постоянно задавать вопрос “Почему?” вплоть до момента, пока ответ на вопрос не будет найден, не давала ему возможности найти смирения и принять, что удушающая его скорбь является частью великого плана. Но и избавиться от нее очень хотелось, поэтому он вновь возвращался к этой догме и так же вновь, снова и снова проходил этот круг от непонимания Божественного замысла до кратковременного смирения в попытке хоть как-то объяснить утраты и справиться с ними, пусть и не на долгое время. Каждый раз он отвергал Бога и каждый раз вновь приходил к нему с раскаянием. С каждым циклом Андрею Геннадьевичу становилось все хуже, он терял ощущение реальности и в один момент, когда сил совсем не осталось, предпринял попытку убить себя, но столкнулся с тем, что, как оказалось, он вовсе и не жил последние два года. С лезвием в руках он смотрел на себя в зеркало и видел чужого, незнакомого ему человека. И это было не впервой, деперсонализация забрала у него чувство реальности еще два года назад. Но, что удивило Андрея Геннадьевича, так это факт того, что, сделав первый надрез на руке, он, впервые за эти два года, почувствовал себя... собой. Пелена с глаз спала, в отражении он увидел свое лицо, конечности, что казались ему чужими и заставляли вскрики-

вать по утрам. Просыпаясь, он видел чью-то руку перед собой, но в тот момент она вдруг опять стала его, он четко понимал, что каждое движение делает сам, его тело – это сызнова его тело, а существование, что было бременем для него, вдруг стало отнятой у него когда-то жизнью, по которой он так скучал. Именно в ту секунду, когда произошло это перевоплощение, Андрей Геннадьевич ясно понял, что не станет доводить дело до конца. Смысл всего произошедшего с ним стал очевиден, ему открылась четвертая стена, третий путь, что стал ведущим для него. Он особенный! Тот, кто был выбран для чего-то великого, – сам Андрей Геннадьевич еще не знал, для чего, но был убежден, что вскоре узнает. Открыв факт того, что боль возвращает его к жизни, а вне болевых ощущений он не чувствует буквально ничего, к нему наконец-то пришло смирение, а с ним и осознание собственной могущественности – душевная травма была столь сильной, что впредь практически ничто не могло его ранить. Вещи, которые раньше были способны вогнать его в состояние печали, теперь казались такими малозначительными, что не находили никакого отклика в сознании. Они будто бы вовсе и не происходили. Он стал неуязвим для ситуаций, которые обычный человек назвал бы “проблемами”. Великий план, что был составлен для него, обрел смысл. И хоть где-то глубоко внутри Андрей Геннадьевич все еще злился на Бога за то, что тот выбрал столь жестокий способ для поиска просветления, он принял свою судьбу и решил, что пока не сможет найти применения своему дару, будет разносить слово Божье и помогать тем, кто еще не нашел спокойствия и гармонии. С тех пор Андрей Геннадьевич стал спокойнее на все реагировать, был незаметен для большинства, будто бы тенью человека. Все мирское казалось ему невероятно скучным, примитивным и до абсурда банальным. Большую часть времени он проводил за беседой с прихожанами церкви и в раздумьях о возможных способах реализации своей уникальной “силы” во благо человечества. Но, как мы можем судить сейчас, так и не нашел их; более того, раз он оказался в больнице, значит, и “просветление” было ничем, кроме как обыкновенным самовнушением. Он вернулся к тому самому порочному кругу, но в этот раз с поселившейся в голове мыслью, что постоянно твердила ему: “Пока что ты просто ничего не понимаешь, но обязательно поймешь в будущем. А сейчас, чтобы понять это, тебе необходима помощь”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.